

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ США И ЕВРОСОЮЗА (НА МАТЕРИАЛАХ СТРАТЕГИЙ БЕЗОПАСНОСТИ 2002–2010 гг.)

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ стратегических концепций национальной безопасности США и ЕС с 2002 по 2010 г. с точки зрения приоритетных составляющих национальной культуры – отношения к внешним угрозам, к оружию массового поражения, к роли международных организаций. Рассматривается самопозиционирование данных государств, зафиксированное в документах стратегий безопасности, в качестве международных акторов в геополитическом пространстве. Проводится сравнительный анализ эволюции концепций стратегической культуры в рамках заявленного хронологического периода.

Ключевые слова: стратегии безопасности, международные отношения, стратегическая культура, международная политика, геополитика.

Abstract. The article compares strategic concepts of national safety in the USA and EU from 2002 to 2010 from the point of view of priority components of national culture: attitude to external threats and reaction to them, to weapons of mass destruction, to the role of the international organizations. The authors consider self-positioning of the given states fixed in documents of safety strategies, as the international actors in geopolitical space. The comparative analysis of evolution of concepts of strategic culture within the limits of the declared chronological period is carried out.

Ключевые слова: safety strategy, international relations, strategic culture, international policy, geopolitics.

Стратегическая культура в общем контексте рассматривается как одна из составляющих разработки концепции внешней политики и безопасности. Данное понятие связано с более привычным понятием стратегической безопасности, но не совпадает с ним по ряду критериев, подразумевая более широкий культурологический контекст. В наиболее общей трактовке [1–4] под ней понимают набор представлений, обусловленных наследственными, ментальными, социальными, политическими и экономическими структурами, в рамках одного сообщества о проблеме войны и мира и средствах и путях их предотвращения или достижения. Содержательно анализ понятия «стратегическая культура» включает в себя характеристику стратегически важных показателей развития конкретного государства или региона, в которую входит: геополитическое положение государства, экономический и оборонный потенциал, политические структуры, правовая и политическая культура, научный и образовательный потенциал социума, принятые нормативные документы, определяющие стратегию безопасности конкретного государства или сообщества, исторический опыт разрешения внешнеполитических конфликтов, уровень включенности в процессы глобализации [5–7]. Детализированный анализ по приоритетным показателям позволяет определить основные формально-содержательные характеристики стратегической культуры конкретного объекта и его потенциала в качестве международного актора. Ос-

новые черты и этапы формирования стратегической культуры фиксируются в документах, отражающих приоритеты стратегий национальной безопасности государств.

Обратимся к сравнительному анализу процессов формирования концепций стратегической культуры США и Евросоюза с 2002 по 2010 г., зафиксированных в стратегиях безопасности. Основные показатели развития в рамках США и Евросоюза позволяют говорить о формировании так называемых стратегий глобального лидерства, что подтверждается большинством аналитиков, рассматривающих основные документы – стратегии безопасности последнего десятилетия. Следует отметить, что, несмотря на внешне сходную задачу реализации собственной стратегической культуры в процессе глобализации, у США и Евросоюза имеются значительные расхождения в подходах и методах реализации стратегий и исходных условиях их формирования. Сравнивая специфику условий, влияющих на стратегическую культуру, можно отметить, что формирование общей стратегической культуры Евросоюза, в отличие от США, затруднено его гетерогенностью, поскольку в него входят различные национальные, наднациональные, международные организационные структуры [1]. В США гомогенность национальной стратегической культуры подразумевалась изначально, в то время как в Евросоюзе даже к настоящему моменту идет интенсивный процесс складывания единой концепции стратегической культуры, что и фиксируется и на документальном уровне. Объединяющим моментом для формирования стратегической культуры ЕС и США явился фактор военной агрессии: для США это теракты 11 сентября; боснийский (1995), косовский (1999) и иракский (2003) кризисы, которые ускоряли формулирование общей европейской политики в области безопасности и обороны.

Различия в стратегиях США и Евросоюза относятся прежде всего к постановке основных целей и задач. Для США на протяжении почти всего первого десятилетия приоритетным являлся внешнеполитический аспект, что характеризует выработанный тип стратегической культуры как доминантный, нацеленный на экспорт основных морфем собственной культуры в геополитическое пространство и представление о задачах своей культуры в качестве организующего ориентира нового миропорядка на основе безусловного лидерства (от экономического до военного). Фактически на резкое изменение стратегической культуры (от стратегии сдерживания 1990-х гг. до стратегии превентивных ударов) повлияло единичное событие (теракт 11 сентября), явившееся толчком к радикальному изменению курса. «Стратегии национальной безопасности США» 2002 и 2006 г. («доктрина Буша») – это, по сути, стратегия борьбы с терроризмом как на территории самих Соединенных Штатов, так и за их пределами. Стратегия 2002 г. подчеркивает важность упреждающего влияния на события, прежде чем они приобретут более опасный характер и станут менее управляемыми. Эта стратегия США включает принципиально новые положения, по сравнению с 90-ми гг. XX в. [8]:

1. «Серьезнейшая опасность... находится на перекрестке радикализма и технологий». Государства-изгои и террористические сети стремятся получить оружие массового уничтожения (ОМУ). Этим мотивируется переход от политики нераспространения ОМУ к противораспространению (counterproliferation).

2. США не допустят достижения какой-либо страной военного паритета. Несмотря на значительное военное превосходство США, нельзя полно-

стью сбрасывать со счетов угрозу, которую представляют другие государства, имеющие развитый военный потенциал.

3. США намерены применять военную силу первыми, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на США в данный момент не готовится или невозможно: «Америка будет действовать против возникающих угроз, прежде чем они полностью сформируются». Именно для обозначения таких действий документ вводит термин «preemption». Администрация США превращает понятие «preemption» в военно-политический термин, и, чтобы избежать смешения с такими уже устоявшимися понятиями, как упреждение и опережение, его можно трактовать как «предварение».

4. Позиция других стран (в том числе союзников и партнеров) по отношению к США является определяющей в международных отношениях.

Данный документ кардинально отличается от выработанной стратегической культуры предыдущего периода (стратегии сдерживания), что подтверждается неготовностью общественного мнения ее безоговорочно принять. Общественная дискуссия, развернувшаяся на страницах газет (см., например: *The New York Times*. – 2002. – 20.09; *The New York Post*. – 2002. – 21.09; *Toledo Blade* – 2002. – 21.09; *The Plain Dealer* – 2002. – 25.09; *U.S. News & World Report*. – 2002. – 07.10; *The Chicago Tribune* – 2002. – 23.09; *The Buffalo News*. – 2002. – 26.09; *The Toronto Star*. – 2002. – 27.09 и т.д.), критически представила основные моменты новой стратегии, к дискуссии присоединились исследовательские центры, выпустившие аналитические доклады (анализ Брукингского института) и специализированные журналы. В «доктрине Буша» выделяется ряд противоречий, не нашедших логического разрешения (противоречат понятия «свобода – контртерроризм» на внутринациональном уровне; одновременно употребляются стратегии предварения и сдерживания без определения четких границ; одновременно поддерживаются временные коалиции и международные институты, что также логически и эмпирически является противоречием).

Главным новшеством «Стратегии» 2006 г., по сравнению с предыдущим периодом, стало «всеобъемлющее доминирование» – комплексная концепция применения военной силы в современных условиях. «В случае необходимости, исходя из давнего принципа самообороны, мы не исключаем использование силы до того, как произойдет нападение на США, даже при сохранении неопределенности в отношении времени и места нападения со стороны противника», – говорится в документе [9]. Стратегия предполагает активные упреждающие действия в кооперации с сильными союзниками (конкретно не упомянуты) и использование международных институтов (не уточнено, каких именно), призванных способствовать глобальному распространению идей мира, свободы и демократии. В то же время отмечается недоверие к деятельности международных институтов: «Американцы все больше склоняются к односторонности, к унилатерализму в международных делах... все более скептически относятся к международному праву и все охотнее выходят за его рамки, когда это представляется им необходимым или попросту удобным» [2].

Подчеркивается, что США будут отдавать «решительное предпочтение международной дипломатии в борьбе с угрозой оружия массового уничтожения», что имеет лишь риторическую ценность, оставаясь декларативным. Важной составляющей модели стратегической американской культуры в данной стратегии является жесткое лоббирование введения всеобщего контроля

над производством составляющих для ОМУ в качестве основной меры противодействия распространению ядерного оружия и террористической угрозы (наиболее опасными странами, как и в «Стратегии» 2002 г., объявлены Иран и Северная Корея, Сирия).

По сравнению с 2002 г. более конкретизирован подход к проблеме разрешения конфликтов и миротворческих операций (предотвращение, вмешательство и постконфликтная стабилизация) при сохранении основной линии – приоритета вооруженного вмешательства (подчеркивается необходимость наличия квалифицированных армейских формирований миротворцев на стадии вмешательства и создания эффективных местных силовых структур на стадии постконфликтной стабилизации) [9].

В «Стратегии» 2006 г. можно зафиксировать изменения в сторону частичного ослабления унилатеризма в пользу многосторонности отношений на мировой арене. Приведены пять главных принципов взаимодействия, к которым относятся: отказ от неконструктивных двухсторонних отношений, не учитывающих глобальные и региональные реалии; создание легитимных и адекватных конкретным ситуациям региональных и глобальных институтов, регламентирующих отношения с партнерами; учет отношения государств-партнеров к собственным гражданам; отказ от диктата в отношении выбора других государств с одновременным оставлением за собой права благоразумной реакции на данный выбор; готовность в необходимых случаях действовать в одиночку. Для международных институтов также выделяются три приоритета: реформа в ООН (в частности, для расширения возможностей привлечения специальных армейских и полицейских формирований в интересах выполнения миротворческих миссий); развитие демократии посредством международных и многосторонних институтов (в частности, региональных банков развития); установление новых государственных и негосударственных партнерств, ориентированных на результат [9].

В целом можно констатировать, что оба документа («Стратегия» 2002 и «Стратегия» 2006 г.) достаточно очевидно излагают основные принципы американской стратегической культуры, сложившиеся в начале XXI в.: ориентацию на мировое лидерство, основанное на экономической и военной силе; применение военно-силового инструмента обеспечения глобальных интересов как наиболее действенного; примат военной мощи над другими методами многосторонних отношений; политический прагматизм, ориентированный на собственный внутригосударственный опыт; целенаправленный экспорт своих институтов для обеспечения поддержки и лояльности сильных союзников и введения в зону своего влияния «второсортных» стран; унилатеризм; минимальное использование сложившихся принципов и институтов международного права; плюрализм и свободу выбора в рамках американских демократических ценностей; представление о наличии универсальных идеалов и ценностей.

Следует резюмировать итоги развития стратегической культуры США, зафиксированной в «больших стратегиях» [10]:

1. Исторический опыт участия США в прежних этапах глобализации оказывает серьезное влияние на формирование общей стратегии государства.
2. Используются стратегии как инструмент продвижения собственных интересов.
3. Глобальные экономические процессы оказались в тени военной составляющей внешней политики США. Опора в глобальных делах на военную

силу – отличительная черта всех американских стратегий национальной безопасности.

4. Попытки единолично решать глобальные военные, экономические и идейно-политические проблемы стали причиной перенапряжения сил США и утери ими доминирующей роли в глобализационных процессах.

В «Стратегии национальной безопасности» 2010 г. заявлено, что, как и после Второй мировой войны, Соединенные Штаты должны сформировать новый международный порядок и систему мировых институтов, отражающих действительность XXI в., в которой «величие Америки не гарантировано» [11]. Изменения в стратегической культуре прослеживаются на уровне формулировок: укрепление имеющихся альянсов (наиболее показательным примером является НАТО), что еще раз подчеркнуло отход от односторонней политики администрации Джорджа Буша (тогда США избегали заключать формальные договоры с другими государствами, чтобы сохранить свободу действий); признание «европейских союзников» краеугольным камнем взаимодействия США с миром; налаживание связей с новыми центрами силы (в качестве примера были приведены Китай, Индия и Россия), вместо признания себя вне конкурентной среды; предполагается активное включение в зону партнерства и сотрудничества азиатских держав, включая Японию и Южную Корею, и формирование союзнических отношений в Западном полушарии – Канаде и Мексике; укрепление механизмов и институтов, необходимых для сотрудничества в XXI в. (многосторонней дипломатии, в большей степени в формате G20, а не G8, как было ранее, и в рамках международных организаций), вместо целевого влияния на международные институты с целью обеспечения поддержки интересов США; налаживание широкого сотрудничества по решению проблем, с которыми сталкивается человеческая цивилизация, вместо экспорта готовых решений («эффективная демократия», «хорошо управляемая демократия») в мирном или силовом варианте.

Новшеством «Стратегии» 2010 г. является обращение к внутренним проблемам национальной безопасности. Дан исчерпывающий перечень угроз национальной безопасности США, в который, наряду с распространением оружия массового уничтожения и ядерного вооружения, терроризмом и увеличением киберпреступлений, входят также иммиграция и энергетическая составляющая [11].

Действующая «Стратегия» 2010 г. модернизирует политический либерализм в международных отношениях и изначальную «формулу лидерства»: экономическая, моральная, военная и инновационная мощь остается в стороне, и невозможно ни одной стране мира («какой бы сильной она ни была») противостоять «глобальным вызовам в одиночку».

Сравнивая развитие стратегической культуры Евросоюза с опытом США, можно прийти к выводу о большей последовательности ее формирования и обусловленности не столько внешними факторами, сколько логикой складывания единой идеологии интегративного объединения в единый субъект, т.е. приоритетными целями и задачами являются проблемы внутрирегионального развития. Концепция стратегической культуры возникла в результате процесса становления организаций Евросоюза по безопасности и формулированию политических предпочтений, а также в результате участия стран Европы в международных событиях и их взаимодействия с ведущими государствами мира, что ускорило отказ от организационной неопределенности [12].

Стратегические нормы стран Евросоюза совпадают во многом. Наряду с мощным экономическим фундаментом важным элементом стратегической культуры Евросоюза является его культурное и культурно-политическое влияние, масштабы которого фактически сохраняют общемировой характер. Особо транслируемыми являются концепты «европейских ценностей» (представления о необходимости разрешать споры мирным переговорным путем, соблюдении гражданских и политических прав и свобод человека и этнических меньшинств, обеспечение экономической и политической стабильности на основе общественной солидарности и повышения благосостояния европейцев, поддержание безопасного и дружественного внешнего окружения) [7].

И в своей внешней политике, и в оценках глобальных угроз ЕС в ряде случаев близок Соединенным Штатам Америки. Приоритетными направлениями «Единой стратегии безопасности» 2003 г., затем 2008 г., как и в американских стратегиях 2002 и 2006 г., стала подготовка мер по отражению террористических атак и противодействию распространению оружия массового уничтожения (хотя и наблюдался раскол между государствами-членами по иракскому вопросу) [13]. Однако, в отличие от США, страны ЕС пытаются воздействовать на международные отношения, отдавая приоритет косвенным инструментам. В то же время в рамках формируемой стратегической культуры предполагается в связи с расширением спектра угроз распространение влияния ЕС за пределы государств-членов, что зафиксировано в докладе Хавьера Соланы «Обеспечение безопасности в Европе и повышение ее стабильности» [1]. В докладе выделены три основополагающих элемента единой стратегии безопасности: расширение зоны безопасности вокруг Европы за счет обеспечения безопасности в прилегающих регионах; подтверждение полномочий ООН в качестве основного инструмента регулирования международных отношений; выработка новой политики для противостояния двойной угрозе – терроризму и распространению оружия массового поражения (ОМП) – политики, отражающей стратегическую индивидуальность Европы, т.е. специфическую стратегическую культуру.

К 2007–2008 гг. наблюдается уклон в сторону более жесткого реагирования на внешние угрозы в глобальном масштабе, что сближает стратегии ЕС и США. Европейский союз вступил на путь развития, который Хавьер Солана охарактеризовал как «стратегическую культуру, благоприятствующую раннему, быстрому и, при необходимости, энергичному вмешательству». Расхождение позиций ЕС и США по вопросу распространения ОМП имеет двойственный характер: одинаковое понимание и формулирование основных угроз, но приоритетное использование разного инструментария их предотвращения или ликвидации. Евросоюз демонстрирует свою приверженность идее «действенных многосторонних отношений» и пытается сохранить за Европой право вето на применение силы в отношении угроз со стороны ОМП. Евросоюз поддерживает концепцию превентивного вмешательства для решения проблемы до ее обострения. В целом при сравнительном анализе стратегий безопасности США и ЕС по этому важному вопросу наблюдаются очевидные различия принципиальных оснований стратегических культур [6, 9]:

1. Восприятие угрозы: «Мы не позволим государствам и террористам угрожать нам самым разрушительным в мире оружием. Перед лицом существующей и все возрастающей угрозы со стороны ОМП мы должны присвоить наивысший приоритет задаче защиты национальной безопасности, во-

оруженных сил, дружественных стран и союзников» (США); «Распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, таких как баллистические ракеты, представляет угрозу для мира во всем мире и международной безопасности. Это оружие отличается от других видов вооружений не только тем, что способно привести к многочисленным жертвам, но и тем, что может дестабилизировать международную систему» (ЕС).

2. Применение силы: «Хотя Соединенные Штаты всегда будут стремиться к сотрудничеству с международным сообществом, в случае необходимости мы не откажемся от самостоятельных действий с целью реализации права на самозащиту путем превентивного применения силы против террористических групп, чтобы предотвратить нанесение ими ущерба народу и стране» (США; «Для борьбы с новыми угрозами требуется комплексный подход. Политические и дипломатические профилактические меры, обращение к международным организациям являются первой линией обороны. Если эти меры не подействуют, следует рассмотреть возможность применения средств принудительного воздействия в соответствии с пунктом VII Устава ООН и нормами международного права (ведение избирательных или глобальных санкций, перехват грузов, применение силы). Основная роль при этом отводится Совету Безопасности ООН» (ЕС).

3. Основные принципы: «Наша национальная стратегия борьбы с распространением ОМП основана на трех элементах: предотвращение боевого применения ОМП, укрепление системы нераспространения, ликвидация последствий применения ОМП. Эти три элемента национальной стратегии являются единой основой комплексного подхода» (США); «Евросоюз выступает за многостороннюю систему. Мы будем работать над реализацией и расширением существующих правовых норм, регулирующих процессы разоружения и нераспространения. Что касается биологического и химического оружия, мы будем и далее выступать за их запрещение с введением соответствующих международных законов» (ЕС).

4. Предотвращение распространения ОМП: «Одной из наиболее сложных задач является предупреждение возможности приобретения террористами оружия массового поражения и предотвращение его применения. Существующие и потенциальные связи между террористическими группами и государствами, поддерживающими терроризм, представляют серьезную опасность и должны стать объектом пристального внимания. Для борьбы с угрозой терроризма и применения ОМП необходимо реализовать комплекс мер по нераспространению и ликвидации последствий применения ОМП» (США); «Наилучшим решением проблемы распространения ОМП будет отсутствие необходимости в нем у всех стран. По возможности, следует искать решения проблем, которые вынуждают государства приобретать эти вооружения. Чем в большей безопасности ощущают себя страны мира, тем больше вероятность их отказа от ядерных программ» (ЕС).

Существенны разногласия между США и Европой в отношении к международным организациям и режимам, целью которых является сохранение стабильности в мире. Белый дом испытывает недоверие в отношении большинства международных организаций и соглашений и лишь сейчас наращивает масштабы содействия с теми из них, которые считает полезными в практическом плане, например с МАГАТЭ [11]. Государства Евросоюза видят в этих организациях и соглашениях гаранты стабильности и безопасности и считают, что новая политическая концепция Евросоюза может стать базой,

объединяющей силы, которые выступают в защиту соглашений и режимов от превентивных действий США.

В отличие от США, ЕС уделяет много внимания такому направлению выработки стратегической культуры, как правозащитная деятельность на международном уровне, что становится одним из приоритетных и базовых направлений формирования его стратегической культуры в целом.

Дискуссионным и противоречивым вопросом, наименее разработанным в рамках стратегической культуры ЕС, можно считать разработку концепции стратегической безопасности ЕС и инструментария ее реализации. В «Единой стратегии безопасности» утверждается, что Европа нуждается в принятии стратегической культуры безопасности, имеющей положение, что передний край обороны часто будет оказываться за границей, во вмешательстве в дела «неудавшихся» государств, использовании превентивных мер, развитии инфраструктуры безопасности. ЕС следует за США в доктрине жесткой безопасности, которая не обращена к большинству причин угроз. НАТО, не имеющая демократической структуры, остается доминирующей структурой в военной безопасности ЕС [13]. Почти все военные миссии в значительной степени зависят от американской логистической поддержки, и большинство стран ЕС поддерживают осуществление их через НАТО.

Модификация «Стратегии» 2003 г. в 2008 г. и действующая стратегия «Европа 2020» более четко определяют цели и приоритеты развития Европейского союза (от внешнеполитических до миграционных и интеграционных процессов), принципиально не изменяя основ стратегической культуры, фиксируемой в «Стратегии» 2003 г. (фактически принятие новой стратегии «Европа 2020» завершает срок действия Лиссабонской стратегии в целом). При этом руководство организации активно использует основные положения принятых и разрабатываемых концепций обеспечения безопасности в различных сферах: военной, борьбы с международным терроризмом, экономической (включая энергетическую), социально-политической, информационной, экологической. Новая стратегия «Европа 2020» раскрывает европейскую социально-экономическую концепцию XXI в. В отличие от американской стратегии 2010 г., она не имеет резкого изменения курса и более органично вписывается в ранее проводимую политику. Документ устанавливает основные опоры европейского развития – решение тематических задач (разумный рост, устойчивый рост, всеобъемлющий рост) и помощь государствам-членам в разработке своих стратегий развития [14]. То есть, несмотря на расширение зоны влияния, глобальные геополитические задачи не ставятся приоритетными, основной упор делается на политические, экономические и социальные инструменты, в особенности внутренний рынок, финансовые рычаги, задействованные в устранении препятствий и достижении целей «Европы 2020». Однако вводится более жесткая политика реагирования на разногласия государств – членов ЕС (введение мер воздействия в случае отсутствия у государства-члена адекватной реакции на ситуацию, предоставление отчетов по проведению стратегии «Европа 2020» и оценка эффективности использования норм «Пакта о стабильности и процветании»).

Внешнеполитическая активность ЕС как единого субъекта увеличивается по мере его продвижения по пути интеграции и является способом укрепления и развития его сплоченности и идентичности. Общий анализ «Стратегии» ЕС позволяет выявить элементы формирования стратегической культуры Евросоюза как единого субъекта:

1. Снижение военно-политической зависимости европейских стран от США в постбиполярном мире, а также появление новых угроз европейской безопасности подтолкнули ЕС к активному поиску автономных подходов к проведению общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ).

2. Разногласия стран ЕС в подходах к разрешению иракского кризиса выявили тот факт, что Евросоюз пока не был готов выступать единым фронтом во внешнеполитической сфере.

3. Роль наднациональных органов в осуществлении ОВПБ незначительна, а принятие решений в области внешней политики, а также по вопросам обороны происходит в подавляющем большинстве случаев на основе консенсуса. Таким образом, Евросоюз является своего рода заложником консенсусного принципа принятия решений.

4. Евросоюз, в отличие от США, в силу своих ограниченных военных возможностей, использует механизмы более «мягкого» воздействия.

5. Внешнеполитический потенциал объединенной Европы позволяет дополнять ее огромный экономический и торговый ресурс и закладывает основу для будущей роли Евросоюза в качестве одного из ведущих субъектов международных отношений.

6. С каждым годом Евросоюз все в большей степени претендует на глобальное лидерство, стремясь участвовать в разрешении конфликтов не только на территории Европы, но и за ее пределами.

7. Основой европейской политики в области безопасности является действенное партнерство Европейского союза и НАТО.

8. Международные региональные организации занимают ведущее место в обеспечении безопасности в Евразии. При этом военно-политические блоки и институты доминируют в военно-политической сфере.

В рамках анализа стратегической культуры США и Евросоюза можно документально констатировать вырабатываемый стиль «глобального лидерства», поддержанный адекватным потенциалом (от экономического до военно-политического). Однако очевиден разный уровень гомогенности стратегической культуры, сформированности ее основных черт, кардинальные различия подходов и методов к обеспечению национальной безопасности (приоритет силы или косвенные инструменты). Разнится основной фокус внимания на внешнеполитических (США) или внутривнутриполитических (ЕС) процессах, представление об уровне транспарентности выработанных доктрин в рамках не одного, а нескольких государств, принципах взаимодействия с мировым сообществом и международными организациями. Отмечается также ясное и адекватное представление об угрозах безопасности, но довольно расплывчатое представление о способах нейтрализации этих угроз, особенно когда речь идет о формировании нового международного порядка. Достаточно дискуссионным остается вопрос о создании адекватных инструментов реализации декларируемых принципов.

Список литературы

1. **Бископ, С.** Основы обновленной Европейской стратегии безопасности / С. Бископ // Вестник международных организаций. – 2009. – № 2 (24).
2. **Кейген, Р.** Сила и слабость / Р. Кейген // Pro et contra. – 2002. – Т. 7, № 4.
3. **Bailes, A.** The European Security Strategy – An Evolutionary History / A. Bailes // Policy Paper. – 2005. – № 10.

4. **Biscop, S.** The European Security Strategy – A Global Agenda for Positive Power / S. Biscop. – Aldershot : Ashgate Publishing, 2005.
5. **Edwards, G.** Is There a Security Culture in the Enlarged European union? / G. Edwards // The International Spectator. – 2006. – Vol. 41, № 3.
6. **Giegerich, B.** European Security and Strategic Culture. National Responses to the EU's Security and Defence Policy / B. Giegerich. – Baden-Baden : Nomos, 2006.
7. **Meyer, C. O.** Theorising European Strategic Culture. Between Convergence and the Persistence of National Diversity / C. O. Meyer // Working Document No. 204. – Brussels : Centre for European Policy Studies (CEPS), 2004.
8. The National Security of the United States of America // Washington D. C. – 2002. – September.
9. The National Security Strategy of the United States of America. – 2006. – March. – URL: www.whitehouse.gov/nsc/nss/2006/
10. Национальная лаборатория внешней политики, 2002. Стратегия национальной безопасности США: Перспективы для России. – URL: <http://www.nlvp.ru/print/52.html>.
11. Новая стратегия безопасности изменит США. – URL: <http://www.dni.ru/polit/2010/5/28/192208.html>.
12. **O'Meyer, Ch.** The Quest for a European Strategic Culture. Changing Norms on Security and Defence in the European Union / Ch. O'Meyer. – London : Palgrave Macmillan, 2006.
13. **Котляр, В. С.** Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО / В. С. Котляр. – М. : Научная книга, 2007.
14. URL: <http://eulaw.ru/content/novaya-evropeyskaya-strategiya-evropa-2020>.

Милаева Оксана Всеволодовна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра коммуникационного
менеджмента, Пензенский
государственный университет

E-mail: psu_pr@pnzgu.ru

Milaeva Oksana Vsevolodovna

Candidate of historical sciences,
associate professor, sub-department
of communication management,
Penza State University

Сиушкин Альберт Евгеньевич

кандидат социологических наук,
доцент, кафедра теории государства
и права и политологии, Пензенский
государственный университет

E-mail: psu_pr@pnzgu.ru

Siushkin Albert Evgenyevich

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of state and law theory and political
science, Penza State University

УДК 327.8

Милаева, О. В.

Сравнительный анализ стратегической культуры США и Евросоюза (на материалах стратегий безопасности 2002–2010 гг.) / О. В. Милаева, А. Е. Сиушкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 3 (23). – С. 19–28.